

# ЧЕХОВСКИЕ ПЬЕСЫ НА СЦЕНЕ НАШИХ ТЕАТРОВ

Есть писатели, которые властвуют над временем; творчество их не только не увядает, а приобретает все большую жизненную силу, становясь подлинно народным достоянием. Таким писателем и драматургом, наряду с великими классиками русской литературы, является Антон Павлович Чехов.

Сейчас хочется вспомнить сценическую историю чеховской драматургии у нас, в Узбекистане, рассказать, как она утверждалась на сцене местных театров.

Первые сообщения о знакомстве ташкентских зрителей с Чеховым-драматургом относятся к 1897 г. Постановку многоактной пьесы А. П. Чехова осуществила в Ташкенте в 1900 г. труппа В. М. Янова. Шла пьеса «Дядя Ваня».

Победа Великой Октябрьской социалистической революции помогла театральным работникам пересмотреть свои взгляды на творческое наследие А. П. Чехова, увидеть в его произведениях оптимистическое начало, что так старательно стремились скрыть буржуазные искусствоведы. Ярким примером попытки нового прочтения драматургии Чехова может служить постановка его пьесы «Три сестры» русским театром в Коканде (1920 г.).

Не все было достигнуто и в этой постановке: в некоторых сценах излишне звучало уныние, безысходная тоска, грусть. Но были сцены, которые ясно отражали оптимистическое начало в творчестве Чехова-драматурга.

Чеховские пьесы получили свое подлинное решение не сразу, они порою по-прежнему трактовались в духе пессимизма и безнадежности. Пример — спектакль «Дядя Ваня», поставленный в 1919 г. самаркандским театром.

Новый этап сценической истории драматургии Чехова в Узбекистане — спектакль театра имени Горького «Три сестры», поставленный в 1941 году Я. А. Варшавским. Театр показал истинного Чехова, правдивого художника, разоблачающего интеллигентию того времени с ее бесплодными мечтаниями, но приветствующего зарождение нового, прогрессивного.

Интересный образ создала артистка О. Д. Петрова в роли Маша. Она рисует Машу человеком больших чувств, сохраняющим силу своей души, даже в покорном подчинении презирающим провинциальный быт. В ее любви к Вершинину — и нежность, и решимость порыва, утверждающего душевную красоту человека, веру в возможность и необходимость иной, лучшей жизни.

Лирична и мечтательна Ирина в исполнении Г. Н. Загурской. С юношеской пылкостью она говорит о своей жажде полезного дела, о своих надеждах отдать свою жизнь «тем, кому она, быть может, нужна».

Ольга в исполнении О. И. Андреевой уже с первых сцен казалась усталой, разочарованной. В опущенных плечах, походе, манере улыбаться — покорность судьбе. Тема Ольги — тема напрасной красоты, а не увядания, и такая трактовка снижала чеховский образ. Однако финальную сцену О. И. Андреева наполнила душевным волнением и страстной убежденностью в том, что «мир и счастье настанут на земле».

Спектакль «Три сестры» в театре имени Горького завоевал успех у зрителей, он говорил об идейно-художественном росте творческого коллектива на пути овладения методом социалистического реализма.

В период Великой Отечественной войны, в 1944 г., театр имени Горького поставил «Дядю Ваню».

В послевоенный период ставится «Вишневый сад»: в Самаркандском русском театре в 1951 г., в Ташкентском театре имени Горького — в 1954 г.

«Вишневый сад» — одна из лучших постановок театра имени Горького. Заслуга режиссера В. Я. Головчинера и всего творческого коллектива в том, что, исходя из утверждения Чехова, который называл свою пьесу комедией, театр трактовал «Вишневый сад» как лирическую комедию с глубоким и мощным «подводным течением», со скрытой в подтексте большой социальной темой. При этом в спектакле был усилен образ студента Пети Трофимова и звучание его монологов, зовущих к новой жизни — к высшей правде, к высшему счастью. Спектакль правдиво и тонко рас-

К 100-летию  
со дня рождения  
А. П. ЧЕХОВА

крывал отживающий, обреченный, старый усадебный мир дореволюционной России. Как благодарен был зритель режиссеру и актерам, когда та или иная, на первый взгляд незначительная, деталь, тонко продуманная мизансцена позволяла вдруг открыть в любимой пьесе какой-то незамеченный раньше оттенок, какую-то важную подробность. Такие находки радовали.

Спектакль отличался единством всех составных частей и слаженностью актерского исполнения. Особенно следует отметить умную и блестящую по технике игру Г. Н. Загурской в роли Раневской. Актриса сумела передать тонкие психологические переживания своей героини, «хамелеонность» ее характера, быструю смену настроений и выражения чувств. Исполнение Г. Н. Загурской говорит не только о ее даровании, но и о большой работе над ролью. Наряду с образом Раневской, наиболее яркой удачей спектакля является трогательный образ Фирса, созданный П. С. Давыдовым.

Первым чеховским спектаклем на узбекской сцене явился «Дядя Ваня» в Академическом театре имени Хамзы в 1959 г., с успехом показанный на декаде искусства и литературы в Москве.

В спектакле театра имени Хамзы, поставленном И. Радуюм и Ш. Каюмовым, сказалось плодотворное постижение традиций советского искусства и прежде всего Художественного театра в прочтении Чехова.

История дяди Вани, с блестящим мастерством рассказанная Шукур Бурхановым, — это трагедия благородного и талантливого человека, вынужденного, в силу жизненных условий, растрчивать свои способности впустую. Но Войничский-Бурханов не безвольный неудачник. Не прибегая к ярким средствам внешней выразительности, актер умело передает громадную, но скованную силу и душевное богатство своего героя. Удивительно живут его глаза: взгляд, то потухший и безнадежный, то насмешливо-иронический, то загоревшийся огоньком надежды, то восторженный, то полный скорби. Перед зрителями — человек незаурядный, сильный, который попытался, но не сумел вырваться из мира пошлости и обывательского равнодушия.

Замечательной партнершей Ш. Бурханова явилась актриса И. Маликбаева, создавшая истинно «чеховский» образ Сони — необычайно трогательный, драматичный, одухотворенный внутренней красотой. Соня-И. Маликбаева — человек мужественный, преодолевший собственные

страдания и ставший опорой дяди Вани.

В центре спектакля также образ труженика и мечтателя доктора Астрова. Артист А. Ходжаев показал образ лирически настроенного, окрыленного мечтой человека, горячо верящего в счастье будущих поколений, хотя и полного горьких раздумий о настоящем.

Елена Андреевна в исполнении Я. Абдуллаевой также актриса удача. Если ее героиня поначалу кажется «снующей очаровательницей», человеком «без полета», то далее актриса успешно раскрывает внутреннюю неудовлетворенность, ее тоску, одиночество, мечту о лучшей жизни.

К. Ходжаев показывает профессора Серебрякова самовлюбленным и самоуверенным эгоистом. Актер нашел своеобразную манеру речи, осанку. Он изводит всех, а сам — покоен. Это заостряет сатиричность образа.

М. Якубова, создавая образ восторженной, либерально настроенной старухи Войничкой, не менее удачно находит приемы сатирического заострения.

Тонко исполнена С. Табибуллаевым роль Вафли — забитого, оскорбленного, но чистого душой человека.

Декорации художника С. Миленина правдиво раскрывают внутренний мир героев. Особенно во втором и четвертом акте: бледный рассвет за окном, тусклый свет лампы.

Глубокое освоение традиций русского искусства сочетается в спектакле с элементами национальной культуры: эмоциональной приподнятостью речи, романтической мечтой и страстным порывом к жизни, полной света и счастья. Эти особенности в игре актеров придают спектаклю особую силу и значительность. Встреча с чеховской драматургией обогатила творчество узбекских актеров.

К сожалению, театры Узбекистана редко обращаются к Чехову. Между тем постановка его пьес — всегда событие большого культурного значения: они повышают культурный уровень зрителя и обогащают профессиональное мастерство коллектива театра.

100-летие со дня рождения А. П. Чехова широко отмечается не только в Советском Союзе, но и прогрессивными людьми всего мира, которые хотят, чтобы земля была не атомным полигоном, а прекрасным садом, как об этом мечтали и чеховские герои, и они сам.

Г. БОГОРОДСКАЯ,  
В. ДЬЯЧЕНКО.